

Россия забытая и неизвестная

Нина Аленникова

**Русская трагедия. Дороги
дальние, невозвратные**

«Центрполиграф»

2010

Аленникова Н. С.

Русская трагедия. Дороги дальние, невозвратные /
Н. С. Аленникова — «Центрполиграф», 2010 — (Россия забытая
и неизвестная)

Книга открывает одну из страниц трагической истории вынужденной русской эмиграции. Из исторических глубин двух столетий – конца XIX и большей части XX – мемуаристка доносит до читателя бесценные живые свидетельства былого. Поместный быт из детства автора, Павловский институт, школа сценического мастерства в Санкт-Петербурге, первые актерские опыты, счастливое начало семейной жизни – все, что было беспощадно сметено масштабным сломом российской жизни в 1917-м. Автор воссоздает и реалии русской трагедии XX века: нелегкие пути спасения семьи морского офицера и его окружения в охваченной революционным хаосом России, невосполнимые потери и невозвратные эмигрантские дороги из Керчи через Бизерту в Марсель и Париж, мучительное освоение жизненного пространства в чужой стране. Мемуары Н.С. Аленниковой дополнены послесловием и комментариями сына автора, Ростислава Всеволодовича Дона, ставшего крупным французским дипломатом. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, краеведов, гидов, генеалогов, исследователей историко-культурного аспекта русского зарубежья, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

© Аленникова Н. С., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Предисловие	6
Первая часть	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Нина Сергеевна Аленникова

Русская трагедия. Дороги дальние, невозвратные

Предисловие

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках книгу воспоминаний Нины Сергеевны Аленниковой, волею судеб оказавшейся в 1920 г. в эмиграции с мужем, морским офицером Всеволодом Павловичем Доном, и двумя малышами – Ольгой и Ростиславом.

Впервые текст книги был напечатан в Париже, ставшем со временем, благодаря вере, трудам, нравственной силе и терпению этой семьи русских эмигрантов, родным домом для них.

Настоящее издание дополнено не публиковавшейся ранее главой «Поездка в Москву и Санкт-Петербург», а также послесловием, указателем имен и комментариями непосредственного участника событий – сына автора, Ростислава Всеволодовича Дона, ставшего заметным французским дипломатом и отметившего 2-го декабря 2009 г. свое 90-летие.

В помощь читателю книга снабжена также постраничными примечаниями редактора и его послесловием.

Первая часть ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Это было давно... В нашем старом Петербурге... Отец¹ отправился навестить знакомую больную в одну из больниц. Там неожиданно он встретил отца Иоанна Кронштадтского², у которого попросил благословения. Отец Иоанн Кронштадтский его не благословил, но сказал: «Ты будешь благословен в твоём потомстве»...

Вот этому потомству, моим внукам, я посвящаю повесть всей моей жизни в России.

* * *

Детство мое прошло в черноземной богатой Малороссии, в знойных степях, где зреет золотистая пшеница, где темно-синее небо кажется нависшим над землей, а ночью оно усеяно бесчисленными звездами, особенно ярко горящими летом. Млечный Путь ясно пересекает небо, звездочки Большой Медведицы мигают сверкающими огоньками. Несмотря на неподвижный воздух, свежесть, идущая от густых деревьев, дает возможность дышать после дневного зноя.

В наших степях жара была очень велика. Крестьяне начинали полевые работы на рассвете; кончали в полдень, «полудничали», то есть завтракали, и заваливались спать тут же под возами. Более молодые играли в карты, пели или просто балагурили. Имение отца находилось в Херсонской губернии, неподалеку от города Елизаветграда, нынешнего Кироваграда.

Я потеряла мать очень рано. Она умерла, когда мне едва исполнилось четыре года. Ее смерть была вызвана несчастным случаем.

Мы жили в деревне мирно, тихо, однообразно. Нас было двое детей, я и маленький братишка двух лет. Несчастье обрушилось на нас неожиданно и совершенно выбило всех из колеи. Мать была в положении; она ждала третьего ребенка. В этом состоянии у нее была привычка ходить ночью в кладовую чем-нибудь закусить. Кладовая была всегда переполнена всевозможными окороками, колбасами всех сортов, уж не говоря о соленьях, вареньях и т. д.

Конечно, в те давно прошедшие времена у нас не было электричества. Мать брала с собой свечу, тускло освещавшую большую кладовую. В одну из таких ночей, когда она отправилась за едой, кто-то из прислуги забыл закрыть люк, ведущий в погреб. Мать не заметила этого, оступилась и рухнула всей тяжестью вниз с отчаянным криком. Весь дом сбежался. Послали за доктором, в деревню за бабой-повитухой. Когда приехал врач, он не нашел никаких переломов, но очень обеспокоился, так как она находилась в ужасном состоянии страха и депрессии. Вскоре у нее началась бессонница; она таяла у всех на глазах; ничего не ела. Обнаружилась сахарная болезнь, как объяснил доктор – от происшедшего у нее аборта, особенно от падения, вызвавшего сильный испуг.

Вскоре произошло необъяснимое событие, как бы предсказывающее грядущие катастрофы.

Отец мой еще до женитьбы служил в Белорусском гусарском полку. Выйдя в отставку, он занялся своим имением, захватив с собой, как тогда часто делалось, своего денщика, став-

¹ Сергей Порфирьевич Алейников – поручик. В списке землевладельцев Елизаветградского уезда на 1908–1909 г. (*Здесь и далее все постраничные примеч. ред.*)

² Иоанн Кронштадтский, Иван Ильич Сергиев (1829–1908) – священник Русской православной церкви, митрофорный протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Выдающийся проповедник, духовный писатель, церковно-общественный деятель. Канонизирован в лике праведных Русской православной церковью за границей (1964) и Русской православной церковью (1990). Память святого праведного Иоанна Кронштадтского – 20 декабря по ст. ст.

шего с тех пор его лакеем. Звали его Антон. Он был безмерно предан отцу и мог бы считаться идеальным слугой, если бы не склонность к водке, на которую, впрочем, отец, ценивший его, смотрел сквозь пальцы.

Мать окончила Киевскую музыкальную школу. Она была отличной музыкантшей и часто проводила за роялем долгие часы не только днем, но и поздно ночью.

Однажды Антон, помогая утром одеваться отцу, сказал ему, что «барыня ночью играла до первых петухов». Отец рассмеялся. «С пьяных глаз тебе показалось; опять хватил лишнюю рюмку. Барыня вчера легла в десять часов и всю ночь спала». Однако Антон настаивал и уверял, что он слышал звуки того «грустного, что барыня часто играют».

Вечером, как всегда, легли рано. Водворилась тишина, прерываемая только лаем собак или колотушкой сторожа, проходившего мимо окон дома. Отцу не спалось. Тоскливые мысли проносились в его голове. Он ворочался с боку на бок, и вдруг за полночь он услышал звуки похоронного марша Шопена, а рядом глубоким сном, не шевелясь, спала мать.

Он встал, тихо оделся и вышел в коридор. Там стоял Антон, он подошел к отцу. «Слышите, ваше высокородие, опять играют», – шепотом произнес он. Отец велел ему взять фонарь, и они отправились в зал, откуда доносились звуки. Когда они вошли, звуки, замирая, умолкли. Осмотрев рояль и ничего не найдя, они вернулись. Отец строго приказал Антону не обмолвиться никому о ночной музыке, особенно матери.

На другой день приехала погостить к сестре тетя Люба. Она также была очень музыкальна, и они обе часто играли в четыре руки. Комната для гостей находилась около зала. Отец велел Антону не ложиться и ждать. Если снова послышатся зловещие звуки, они оба войдут к тете Любе и скажут ей, в чем дело.

Днем они обе играли в четыре руки. Мать даже оживилась при появлении сестры и была на редкость веселая, а вечером повторилось то же. Одетый отец с Антоном постучали к тете Любе, которая с удивлением спросила: «Неужели сестра снова встала, чтобы ночью играть?» Ей пришлось объяснить необычное явление. Она очень испугалась, но все-таки отправилась с ними в темный зал, где так же замерли звуки при их появлении. Снова осмотрели рояль и заперли его на ключ. Потом долго обсуждали необыкновенное явление. Несмотря на просьбу сестры еще погостить, тетя Люба на другой же день уехала, сославшись на нездоровье. Еще одну, последнюю, ночь звучал похоронный марш. Нервы у всех были напряжены. На этот раз проснулась няня и невольно приняла участие во всеобщем переполохе.

Атмосфера таинственности и страха нависла над нашим домом. Через некоторое время, после последней ночной игры, мой маленький брат заболел воспалением легких. Спасти его докторам не удалось. Он умер, оставив после себя печать глубокой скорби. Старая няня, вынычавшая в свое время мать, горько оплакивала своего питомца, всячески стараясь не показать своего горя матери. Она часто говорила, что ночная музыка принесла несчастье.

Свалившийся этот удар еще больше подействовал на мать. Она все быстрее худела и сделалась почти прозрачной.

Весной приехала из Елизаветграда бабушка, мать отца, жившая в городе, но на лето приезжавшая всегда в свое имение гостить у сына. Увидев мать, она сразу загрустила, но всячески старалась подбодрить сына; она уговаривала его не отчаиваться. Сейчас же по приезде она потребовала, чтобы позвали священника и отслужили молебен о здравии болящей. Она при этом устроила так, чтобы этот день был праздничным. Она заказала повару отличный обед, а прислуге велела нарвать побольше цветов и украсить стол на террасе. Молодой священник, веселый и добродушный, отслужил молебен. Он покропил святой водой во всех комнатах. После этого, приложившись к кресту, мы все отправились обедать. Обед прошел оживленно, настроение поднялось, все пили за здоровье матери. Но это настроение длилось недолго. Матери становилось все хуже. Отец возил ее к известным профессорам, но она только уставала от этих путешествий.

В одно жаркое солнечное утро отец, войдя в столовую, не увидел, как обычно, бабушки. На его вопрос прислуга ответила: «Барыня еще не выходили из комнаты». Было почти девять часов утра, небывалое явление, так как она всегда вставала рано и до восьми часов выпивала свой кофе. Отец постучал в ее комнату, но ответа не последовало. Он вышел во двор, и ему удалось влезть в оставленное открытым окно. Бабушка сидела в кресле неподвижно. Постеленная с вечера кровать была не тронута, видимо, бабушка скончалась вечером, не успев лечь. Бедный отец, горячо привязанный к своей матери, был потрясен этой неожиданной смертью. Няня, успевшая рассказать всей прислуге о ночной музыке, уверяла, что эта музыка была предупреждением несчастий.

Между тем один из лечивших мать профессоров посоветовал отцу отвезти ее в Париж к знаменитому специалисту по диабету, что отец исполнил. В этом трудном путешествии приняла участие и я со своей няней. Знаменитый профессор после первого серьезного осмотра заявил, что положение ее безнадежно и лучше всего ее отвезти обратно на родину, куда она стремилась. Не задерживаясь, мы пустились в обратный путь в Россию и направились прямо к дедушке. Через четыре дня после нашего возвращения мать скончалась, окруженная своей семьей. Я не понимала, что такое смерть, но отлично помню печальные похороны, а отпечаток вечной разлуки надолго оставался в моей душе. Отец, обезумевший от горя, весь под впечатлением таинственных предзнаменований, оставил меня у дедушки, а сам отправился в Индию.

Перед возвращением из Франции отец нанял мне гувернантку, желая, чтобы я получила европейское воспитание. Бедная няня страшно косилась на это новое иностранное существо, как вихрь ворвавшееся в нашу жизнь. Мадам Жюли оказалась весьма приятной женщиной, полной добродушия, с веселым характером. Она быстро приспособилась к нашему русскому быту, полюбила его и вполне сошлась с моими прародителями, особенно потому, что мой дедушка-поляк был католиком. Сначала я ее дичилась и была ближе к няне, но вскоре полюбила ее. Семья деда была большая, но из его одиннадцати детей большая часть погибла от несчастных случаев. Еще до смерти матери утонул Александр тринадцати лет. Во время моего пребывания погибла девочка четырнадцати лет. Она отправилась в сильную жару в степь без шляпы. Когда она вернулась, бледная и утомленная, то повалилась на диван, жалуясь на сильную головную боль. Пока послали за доктором, который находился в 13 верстах, Леонора скончалась.

Имение Любомировка³ принадлежало богатому помещику Шебеко⁴. Дедушка, получивший агрономическое образование и обладавший немалым опытом, управлял этим имением. Сам Шебеко никогда в поместье не показывался. Большой старинный двухэтажный дом был предоставлен дедушке и его семье, которая там себя чувствовала как дома. Мы, ребята, росли на полной свободе. По утрам мадам Жюли заставляла нас изучать французский язык. Эти уроки давались нам, младшим: мне и трем моим дядям, из них самый младший, Коля, был моих лет. Мальчики тащили меня с собой на прогулки. Глубокая река протекала мимо имения, и ее берега были скалисты. Я с ними бросалась со скал в реку, мы ныряли и, как маленькие зверюшки, стряхнув с себя воду, ложились на солнце. По вечерам на берег приводили для купания табун лошадей. Тогда нашим любимым занятием было бросаться с конями в воду, нырять с ними, обваливаться в песке и снова кидаться в реку. Я очень скоро научилась плавать, ездить верхом, правда, кое-как и без седла. Сначала бабушка противилась этому, но дедушка находил, что это здорово и что девочка должна быть такой же сильной, как мальчик, и бесстрашной.

³ Имение Любомировка (Бобринец) Елизаветградской губернии.

⁴ Шебеко Николай (1834–1904) – сын Шебеко Игнатия Францевича и Елизаветы Сергеевны, урожд. Сукачевой.

Моя жизнь протекала весело и беззаботно. Дедушка и бабушка⁵ оба меня баловали и любили. Они долго горевали о потере любимой старшей дочери и перенесли на меня свою нежность.

Отец писал очень редко, все откладывая свое возвращение. После двухлетнего отсутствия он выразил желание в письме к бабушке, чтобы я переехала с няней и гувернанткой в его имение. Туда же из Елизаветграда должна была переехать его двоюродная сестра, чтобы заняться моим воспитанием, особенно русским языком, в котором я очень хромала. Мы чаще всего говорили по-малороссийски, мешая с польским, а тут еще был французский язык, который мы усердно изучали благодаря стараниям мадам Жюли.

Письмо отца всех взволновало. Бабушка не хотела меня отпускать. Дедушка был не только огорчен, но и рассержен на отца и обвинял его в недоверии к ним. Но пойти наперекор они не решились, и вскоре меня переправили в Веселый Раздол, где жизнь шла своим чередом. Имение было в руках опытного управляющего. Прислуга была все та же. Антон состарился и все чаще напивался; в такие минуты он неминуемо вспоминал ночи с похоронным маршем, сожалел о прошлом и шумно вздыхал. Кухарка Евгения встретила нас со слезами. Она устроила парадный обед и привела из деревни свою девочку Дуню, чтобы играть со мной. Дуня воспитывалась у своей бабушки. Это была черноглазая, очень подвижная девочка, но совершенный дичок. Приехавшая из города тетя Саша не очень одобрила мою дружбу с Дуней. Я же сразу всем сердцем привязалась к Дуне, больше не могла без нее обходиться. Александра Ильинична (тетя Саша) начала усердно заниматься перевоспитанием Дуни, стараясь ей внушить, что нельзя сморкаться пальцами, зевать во весь рот и т. д.

Хотя Дуня была года на четыре старше меня, мы с ней очень подружились. Мы вместе бегали купаться, ездили верхом, присутствовали при уборке хлеба, занимались животными – словом, не разлучались. Мадам Жюли продолжала по утрам заниматься со мной. Тетя Саша давала мне уроки русского языка, в котором я оказалась очень отсталой. Однако я быстро научилась читать и передавала свои познания Луне.

Как-то нас навестили дедушка с тетей Любой и мальчиками. Они привезли много меду и всяких сладостей. Я очень им обрадовалась.

Через несколько месяцев после нашего возвращения наконец вернулся и отец. О своем прибытии он нас известил телеграммой. Поэтому мы не успели как следует подготовиться к этому событию. Я сразу же почувствовала большую перемену в отце. Он сделался угрюмым и сердился из-за пустяков. От управляющего он потребовал подробные отчеты и остался всем недоволен. Тетю Сашу упрекнул в том, что я скверно выражаюсь по-русски, прибавив, что это, конечно, влияние Яницких, где все дети говорят на трех языках вперемежку. Мне было больно это слышать, тем более что он заявил, что больше меня к ним не пустит. Я почувствовала его несправедливую враждебность к ним, что меня очень огорчило. Настала зима, и отец надолго уехал в Петербург. Мы остались одни и облегченно вздохнули.

Зимы в наших степях суровые, выпадает масса снега, налетают огромными стаями вороны, они скачут всюду по снежным равнинам, наполняя воздух карканьем. Проснешься, бывало, в восемь часов утра, а темно, как ночью. Оказывается, что снегом завалило все окна и двери и выйти невозможно. Тогда начинается суматоха. Дворники разгребают лопатами сугробы снега перед домом; строят за воротами снежную горку, обливают ее водой, и если грянет мороз, то на другой день можно кататься с горки на салазках. На совершенно замерзшем пруду можно кататься на коньках, но самое приятное – это поездки к соседям на санях. Печи в доме топились соломой. Мы с Дуней любовались, когда слуга запихивал вилами эту солому. Она трещала и разгоралась в печи, освещая всю комнату и коридор ярким светом. После утренних занятий мы выбегали на двор в теплых башлыках и в валенках. Бегали по

⁵ Яницкие – родители матери автора.

снегу, гоняя ворон, срывая сосульки с дикого виноградника, обвивающего террасу. Эти длинные, тонкие льдинки мы ели как мороженое.

Бурной стихией неожиданно появлялась весна. Тогда потоками текли ручьи растаявшего снега. Воробьи чирикали громче и веселее.

Всюду появлялись брандуши. Это маленькие беленькие цветочки с крупным корнем вроде луковицы. Мы очень любили этот сладкий, сочный корень и ели его в большом количестве, выкапывая маленькими, острыми лопатками, приготовленными специально для нас кузнецом Евграфом. В галошах было неудобно бродить по лужам. Мы часто снимали их и чулки и бегали по холодным ручьям босые, но никогда не простужались. Нас всегда сопровождал сторожевой пес Мендель, огромный, лохматый, с рыжеватой шерстью.

Настоящая весна и ее прелесть начинались тогда, когда все деревья в огромном саду цвели различными цветами. Все благоухало, а от лип шел особенный пряный запах. Недавно прилетевшие ласточки, грачи и другие пернатые наполняли воздух разными звуками. А когда начинал заливаться соловей и слышались отрывочные, но четкие возгласы кукушки, то совсем становилось весело и отрадно на душе.

Весной обыкновенно отец возвращался из Петербурга, и тогда атмосфера сгушалась. С наступлением лета мы с Дуней отправлялись на берег пруда. Туда же прибегали другие ребята из деревни. Мы всей гурьбой наслаждались купанием, предварительно обвалявшись в песке.

Тетя Саша не очень одобряла мою близость с деревенскими детьми. Она как-то высказала это отцу. «Это все пустяки, – ответил он. – Пусть, наоборот, узнает ближе с детства свой народ, а насчет манер – на это пригодится институт, в который я скоро ее отдам». Услышав это, я не на шутку перепугалась. Слово «институт» показалось мне каким-то жутким и чудовищным. Вечером я спросила тетю Сашу, что обозначает это слово. Она мне объяснила, что это дом, где живут и учатся другие девочки. С этого времени меня начали усиленно готовить к поступлению в институт. Отец нанял репетитора, мадам Жюли усердствовала с французским языком, которым я уже свободно владела. Я любила читать французские книги. Тогда особенным успехом пользовались книги графини Сегюр¹.

В институт обыкновенно принимали в девять лет, с предварительным экзаменом. Так как мне было всего восемь лет, а отец во что бы то ни стало хотел меня туда определить, ему пришлось подать прошение на высочайшее имя². Было решено, что я поступлю в Одесский институт, а тетя Саша переедет жить в этот город на зиму.

Ответ на прошение пришел удовлетворительный, при условии если я выдержу экзамен, который был назначен в конце мая. Этот экзамен я выдержала блестяще, особенно благодаря мадам Жюли. Мой французский язык поразил весь учительский персонал. Казенная, холодная обстановка института сильно повлияла на меня. Повеяло чем-то чужим. Сердце сжалось при мысли, что я скоро попаду в этот закрытый для всех незнакомый круг. Мне казалось просто невероятным, что я покину Веселый Раздол, лошадей, купание, моих друзей – деревенских ребят, милую Дуню, изобретательницу всяких шалостей и проказ. Отец остался очень доволен, что я выдержала экзамен, и купил мне роскошную куклу со всевозможными нарядами.

Когда мы вернулись из Одессы, он всем объявил, что осенью произойдет событие большой важности, то есть мое поступление в институт. Было условлено, что мадам Жюли переедет на зиму в Петербург, чтобы заниматься с детьми дяди Жоржа. Летом они все приедут на каникулы к нам. Полюбив всей душой мадам Жюли, я горевала при мысли об этой разлуке, но ведь расставаться надо было не только с ней, но со всей счастливой жизнью в деревне, в любимом Веселом Раздole. Няня также горевала и ворчала на отца, находя его бездушным и несправедливым. Мадам Жюли тоже была подавлена предстоящей переменой, но мысль пожить в красивой столице все же привлекала ее. Отец часто ей рассказывал про дядю Жоржа, характер которого славился необычайной мягкостью и добротой.

Дядя Жорж, граф Зубов, был нашим родственником по жене, то есть его покойная жена была двоюродной сестрой моей матери. Они жили как родные сестры, обе учились в Киевском институте. Лето всегда проводили в имении Мани, так звали кузину. Они обе погибли от несчастных случаев, оставив вдовцами своих мужей. Маня, очень светская и много выезжавшая, не захотела иметь четвертого ребенка и погибла от произведенной над ней неудачной операции. Дядя Жорж, блестящий конногвардеец и в то же время композитор, окончивший консерваторию под руководством Римского-Корсакова, был безгранично привязан к своей жене. Потеря ее была для него страшным, непоправимым ударом. Старший сын его, Саша, красавец, был глухонемой. Произошло это оттого, что его трехлетним мальчиком уронила нянька, подбрасывая его на руках. Он ударился головой об пол, заболел менингитом, и хотя его удалось спасти, он остался глухонемым. Учился он в специальном пансионе, но раз в неделю приходил домой. Коля и Тамара были малыши моложе меня. Ими и должна была заняться мадам Жюли.

В знойное сухое лето у нас в Раздоле было много гостей. Семья Ламзиных из Елизаветграда, у них было пять дочерей, еще гостил некто Цингер с сыном из Варшавы. Немного позднее приехал дядя Жорж с детьми и гувернанткой-немкой, но он остался с нами всего десять дней и уехал в свой летний лагерь. Самовар с раннего утра шипел на столе большой террасы. Чай пили когда кто хотел. Отец вставал чуть свет и отправлялся на полевые работы на бегунах, вместе с управляющим. Завтракали обыкновенно в час с половиной. После обильной еды все заваливались спать. Ставни все закрывались. Мы, ребята, собирались в нашем маленьком флигеле, где было прохладно из-за близких деревьев, окружающих домик. Там мы играли в карты, домино и другие игры, а в четыре часа отправлялись всей гурьбой купаться на пруд, кататься на лодке и веселиться. По воскресеньям, когда не было полевых работ, устраивались пикники. Мы ехали в экипажах и на бегунах, а за нами плелась большая арба, набитая сеном, покрытым огромным брезентом, с прислугой и большим запасом всевозможной провизии. Обыкновенно мы отправлялись в единственный на всю окрестность березовый лесок. Там, на траве, под самой большой тенью, мы располагались на весь день. Иногда мы доезжали до огромного озера, принадлежавшего богатому помещику Бутковскому. На берегу этого озера было тоже прохладно, так как было много тенистых деревьев. Отец неизменно играл на гармонии, пел свои любимые песни, иногда декламировал, всегда одно и то же. Помню его любимое стихотворение «Утка», смысл которого был тот, что животные никогда не бросают на нянек своих детей. Выращивают и воспитывают их сами. Когда солнце начинало садиться, мы отправлялись в обратный путь. Степь при закате солнца напоминает море, особенно когда зрелые колосья хлебов переливаются различными красками. При малейшем ветерке все это море колосьев колышется, как покрасневшие волны. Веселый Раз дол, выраставший издали своими огромными осокорями, казался неожиданным оазисом в пустыне.

Кто никогда не жил в степях, не может знать прелести их. Наш огромный тенистый сад был полон фруктовых деревьев всех сортов.

Целыми днями тетя Саша и Марья Исидоровна Ламзина варили варенье в саду на примитивных жаровнях, сооруженных из кирпичей. В огромных медных тазах варились клубника, малина, сливы, вишни, кизил, шелковица, райские яблочки и груши. Нам бережно собирали пенку, которой мы лакомились во время чая.

Да, это было блаженное лето. Часто среди забав я вспоминала, что, когда оно кончится, я уеду в город в огромное серое здание. Там останусь одна среди чужих людей. Тогда сердце больно сжималось и душу обдавало холодом. Чуткая и добрая тетя Саша понимала мои переживания и часто мне говорила: «Не унывай. Каждый четверг и в воскресенье я буду к тебе приходить, а на Рождество возьму тебя к себе, тогда нагуляемся вместе». Отец, съездивший в Одессу по делам, снял тете Саше квартиру в центре города.

К нам часто приезжали соседи, особенно семья Рустанович³ и Бжежицкие. Старики Бжежицкие редко приезжали, зато часто были у нас их три дочери-красавицы: Ксения, Ольга и

Елена, как и младший братишка Алеша, который учился в кадетском корпусе в Одессе. И поэтому было решено, что Ксения, старшая, поедет с нами в Одессу сопровождать брата. Тетя Саша заранее назначила день праздника перед нашим отъездом. Был приглашен молодой священник из соседнего села при станции Помошная, знакомый нам отец Александр, которого всегда звали на семейные события. Гости разъехались во все стороны, кто в Питер, кто в Елизаветград. Дядя Жорж явился накануне за детьми. Все взрослые расположились на террасе за большим столом. Для нас, детей, был устроен отдельный «музыкантский стол». Как мы веселились за этим столом! Нам не полагались спиртные напитки, но квасу было вдоволь. Подражая взрослым, мы чокались стаканами с квасом, желая друг другу веселой зимы. После обеда отправились все в глубину парка к памятнику дедушке и бабушке, родителям отца. Этот белый памятник, со всегда зажженной лампадкой, навсегда запечатлелся в моей памяти. Рядом с ним находилась могилка-холмик моего братишки, погибшего от воспаления легких.

После долгих сборов наконец состоялся наш отъезд. Отец собрался нас сопровождать, несмотря на страдную пору в имении. По старому обычаю, все уселись в гостиной под образами. Няня заливалась слезами, да и я сама еле сдерживалась. Камень лежал на моей душе. Отец первый поднялся, перекрестился, и мы все начали обниматься, целоваться и крестить друг друга.

Путешествие в поезде было интересным. Я не отходила от окна, в котором мелькали наши степные пейзажи, деревеньки, утопающие в вишневых садах, соломенные крыши белоснежных хат, зеленые купола церквей. Иногда показывались и блестели выходящие, как змеи, реки. Все это убегало перед глазами, и жгучая тоска закрадывалась в душу. Убегавшие пейзажи напоминали, что скоро я больше не буду видеть эти любимые просторы. Суровая казенная обстановка заменит их надолго. Алеша, скромный, застенчивый кадет, иногда подходил ко мне. Мы обменивались впечатлениями, вспоминали минувшее лето, наши прогулки, купание и верховую езду. У тети Саши оказались неожиданные дела в имении, и она с нами не поехала. С грустью вспоминала я Луню и других моих деревенских приятелей, с которыми протекло мое беззаботное детство. Несмотря на мои восемь лет, я отлично понимала, что очень важная страница моей жизни перевернулась и что совсем новое ждет меня впереди.

Остановились мы в снятой отцом квартире, переночевали, и на другой день он отвез меня в институт. Начальница Кандыба, очень высокая, худощавая дама, встретила нас холодно и величаво. Она сразу же вызвала классную даму, которой меня поручила. Затем, объяснив моему отцу главные правила учреждения, отпустила его. Я едва успела попрощаться с ним, мне даже показалось, что он торопится избавиться от меня.

Попала я в самый младший, седьмой класс, где все девочки были старше меня. Я сразу подружилась с двумя: Лизой Варун-Секрет⁴ и Марусей Загорской. Обе они были дочерьми крупных помещиков нашей губернии. Отец Лизы играл значительную роль в Государственной думе. Маруся была очень красивая девочка: жгучая брюнетка, высокая и очень смелая. Общность интересов, воспоминания о привольной деревенской жизни тесно сблизили нас. Эта дружба была для меня большим спасением в новом моем существовании. Я задыхалась в суровой институтской обстановке. Приседания перед плавно проходившей начальницей. Длинные, утомительные церковные службы, постоянные придирки и замечания классных дам, ни минуты свободы. Весь день был распределен не только по часам, но и по минутам. Все это было томительно, скучно и однообразно. По ночам я проливала молчаливые слезы, вспоминая покинутый столь любимый Веселый Раздол. Часто мне снились наши огромные осокори, широкая плотина над первым прудом, молчаливым и неподвижным, Мендель, влезший в окно и расположившийся на моей кровати всем своим грузным собачьим телом. Я просыпалась в холодном поту и с тоской замечала, что нахожусь в огромном дортуаре⁶, где спит весь мой класс. Многие,

⁶ Дортуар (*фр.* dortoir) – общая спальня для учащихся в закрытом учебном заведении.

словно в бреду, бормотали что-то во сне. К счастью, через две недели появилась тетя Саша и стала аккуратно меня навещать. Приемы были по четвергам и по воскресеньям. Училась я неплохо, но без малейшего азарта. Сразу же оказалась первой по-французски, но арифметику возненавидела и никогда в ней не имела успеха.

Я вся напряженно жила одной мечтой о возвращении в деревню и огорчалась, что так долго ползет зима. Но несмотря на то что она долго ползла, приключений и неожиданных событий было много.

Еще перед окончательным заключением мира с Японией в городе начались большие беспорядки. Со всех сторон поднялись революционные силы. Студенты, конечно, принимали большое участие в этом движении. Были дни, когда нас не выпускали даже в сад. Слышались стрельба, какие-то выкрики и громкие песни. Один раз кто-то выстрелил в окно нашего большого зала, где находились портреты государя и всей царской семьи, также были портреты других царей в другую эпоху. Настроение в институте было напряженное, и уроки часто пропускались, так как преподаватели не могли явиться вовремя. На улицах постоянно происходили стычки полиции с революционным элементом. Все это сильно нарушало весь обычный ход жизни. После нескольких острых периодов порядок начал устанавливаться. Мои подруги Лиза и Маруся очень волновались за родителей, оставшихся в имении, что было очень опасно. Усадьбы горели, и были постоянные нападения и убийства помещиков.

Наконец настали каникулы. Тетя Саша приехала за мной и увезла меня в свою квартиру, где было уютно и тепло. В сочельник мы были приглашены к родственникам отца Высоцким, где ели традиционную кутью из риса с изюмом и медом, а также узвар – это компот из чернослива и других сухих фруктов. Отец также появился у них на постный ужин, и, конечно, начались разговоры о политике – тема, которую он особенно любил. При этом он волновался, кипятился, часто затрагивал еврейский вопрос. В них он видел большое зло для России, но вместе с тем я помню, как он всегда заступался за евреев-стариков, которые держали маленькую лавчонку у нас в деревне. Крестьяне их терпеть не могли, обижали и придирались к малейшему пустяку. Отец особенно выступил в их защиту, когда из японского плена вернулся их сын Дудик без ноги. Он вернулся с другим солдатом из деревни, совершенно здоровым. В плену японцы устроили Дудике такой протез, что в то время в России никто не мог и мечтать о таком. Отец говорил с крестьянами, объясняя им, что молодой еврей так же сражался за Родину и потерял ногу, являясь жертвой войны, как и многие русские. Это очень повлияло на всю деревню. С тех пор отношение к ним очень смягчилось. Несмотря на очень грубые нравы, чувствительность и подчас даже чуткость всегда существовали в русских душах, даже в самых темных и отсталых кругах.

В первый день Рождества, простояв длинную торжественную службу в церкви, мы отправились в цирк. Это был мой первый выход. Я ничего подобного раньше никогда не видела. Этот цирк под именем «Пауло» содержался итальянским антрепренером и был весьма примитивный. Однако на меня все это представление произвело потрясающее впечатление. Прыгающие через обручи собаки, танцующие парами медведи, лихие всадники-джигиты, поднимающие на полном ходу носовые платки. Особенно я была очарована жонглером, который верхом на лошади жонглировал четырьмя мячами. Мне показалось это верхом искусства. Меня вдруг охватило стихийное желание сделаться частью этого цирка: выступать с мячами, летать на трапециях – словом, приобщиться к этой прекрасной, таинственной жизни.

Еще недавно я прочла приключения одного мальчика, которого украли цыгане, владельцы кочующего цирка. Он впоследствии сделался знаменитостью, отыскал своих родителей и окружил их благополучием. Я перестала спать по ночам и напряженно думала, как осуществить мое желание. Почему-то я ни минуты не сомневалась, что хозяин цирка меня возьмет. Время от времени все же мелькала мысль: «А что скажет отец? А тетя Саша?» Но надежда, что все как-то образуется, охватывала меня и толкала на исполнение задуманного.

Тетя Саша часто ходила в церковь. Я ее всегда сопровождала, но тут, когда она мне предложила отправиться к ранней обедне, я попросила разрешения не пойти, ссылаясь на сильную головную боль, на что она сразу согласилась. Когда она ушла, я спешно, надев шубку, выскочила на улицу и начала осторожно пробираться к цирку, который был недалеко. Дорогу к нему я хорошо запомнила. Цирк был закрыт. Издали доносились рев зверей и ржание лошадей. Я постучала в ту дверь, которая мне показалась подходящей. На мой стук вышел высокий жгучий брюнет с кнутом в руках. Он с удивлением осмотрел меня с ног до головы и спросил, зачем я пришла и что мне нужно. Мое сердце громко билось, и я с трудом сказала: «Хочу поступить в цирк и хочу научиться жонглировать, а на лошади скакать умею». Он рассмеялся и, взяв меня за руку, повел в глубь помещения. Мы добрались до темной комнаты, из которой вышел пожилой человек с расстегнутой на груди рубашкой. Услышав от моего спутника мою просьбу, он громко расхохотался и, потрепав меня по плечу, сказал: «А что твои родители скажут? Ты спросила у них разрешения?» Я потупила глаза и ничего не ответила. «Ну, все же пойдем, и ты покажешь свое искусство», – добавил он добродушно. Мы вошли в темную конюшню. Он отвязал лошадь, дремавшую у стойла, и вывел ее на широкую арену. Лошадь была смирная. Выскочивший откуда-то мальчишка быстро ее оседлал. Хозяин велел ему принести мне штаны и куртку, что он сразу же исполнил. Я их надела, хотя брючки были мне велики и пришлось их подтянуть поясом. Я смело направилась к лошади, вскочила на нее привычным ловким движением. Проскакав вкруговую два раза по арене, я остановилась перед зрителями, которые смеялись и очень одобрительно качали головой. «Молодец девчонка, она легко научится». «Принеси мячи», – приказал хозяин мальчику, и он принес четыре мяча. Человек с кнутом начал жонглировать. Он продемонстрировал мне, как надо начинать сначала с двумя мячами. Я попробовала, но мячи у меня валились во все стороны, однако сильное желание научиться подталкивало меня, и скоро мне удалось их бросать правильнее и регулярнее. «Из тебя бы вышел большой толк, но без родителей я не могу тобой распоряжаться. Надо, чтобы они согласились. Где ты живешь?» Тут я не на шутку перепугалась и сказала, что пойду и спрошу их и если они согласны, то завтра же сюда с ними вернусь. Они очень любезно проводили меня до дверей, и я опрометью побежала домой.

В нашей квартире уже был большой переполох. Тетя Саша, вернувшись из церкви и не застав меня дома, обошла всех жильцов, спрашивая, не видел ли кто-нибудь меня. Многие советовали обратиться в участок и объявить о моем исчезновении. Она уже собралась это сделать, но мое появление сразу все прекратило. На ее тревожные вопросы я чистосердечно призналась во всем. Бедная тетя Саша упала в кресло и заплакала. «Я тут схожу с ума от тревоги и беспокойства, а ты что выдумала! – воскликнула она и добавила: – Если бы в институте узнали об этом, тебя бы немедленно выгнали. А папа что сказал бы?» Мне стало ужасно ее жаль. Я обняла ее и сквозь слезы проговорила: «Даю тебе слово больше в цирк не ходить, но все же жонглировать я научусь и буду летом упражняться на лошади». Тетя Саша успокоилась и даже обещала купить мне четыре мяча, что вскоре исполнила. С тех пор я все мое свободное время проводила в упражнениях с мячами и очень быстро усвоила этот маневр, к полному изумлению тети Саши.

Мне хочется сказать несколько слов об этой чудной женщине, заменившей мне мать и вложившей всю свою душу в мое воспитание. Я нежно к ней привязалась, называла ее «голубчик» и была ей благодарна за все ее заботы обо мне. Необходимо вернуться к прошлому, чтобы описать скорбную и печальную судьбу тети Саши.

При жизни бабушки тетя Саша жила с ней в Елизаветграде. Летом они обе приезжали к нам в Веселый Раздол и оставались с нами до поздней осени. В те далекие времена девушка тридцати лет считалась безнадежной старой девой. Ходила в темном одеянии, гладко причесанная, и ни о каком кокетстве не могло быть и речи. Тетя Саша была очень энергичная. Она много помогала в имении, занимаясь прислугой, молочным хозяйством, птичней и т. д. Как-

то к отцу явился по делу управляющий богатого помещика Ревуцкого⁷, интеллигентный и очень интересный молодой человек лет тридцати. Конечно, по старому русскому обычаю, его оставили обедать, а через некоторое время он снова появился и зачастил к отцу без всякого дела. Его очень ласково принимали, угощали, но и удивлялись его посещениям. Причина этих визитов скоро выяснилась. Он сделал предложение тете Саше, к полнейшему изумлению всех. Отцу и бабушке он пояснил, что хорошо зарабатывает и что его хозяин на намек, что он хочет жениться, обещает ему отдельный домик с вполне благоустроенным хозяйством и весьма одобряет его намерение жениться. Весь наш дом переполошился от этого неожиданного события. Отец и бабушка на радостях решили сделать тете Саше хорошее приданое. Поднялась невообразимая суета. Свадьбу отпраздновали у нас в имении шумно и весело. Вся округа съехала.

Невесту все уважали и любили. Молодые, поселившись в прекрасно меблированном домике, зажили дружно и хорошо. Тетя Саша во многом помогала мужу в имении, имея опыт деревенского хозяйства. Радость свалившегося неожиданного счастья придавала ей еще больше энергии. Она расцвела, помолодела и приобрела ту уверенность, которой прежде у нее не хватало. Родители Богданова⁸, так звали ее мужа, жили на Кавказе. Отец его служил инженером путей сообщения. Приехав как-то навестить бабушку, тетя Саша сказала с тревогой, что ее мужа вызывает телеграммой мать, так как отец очень серьезно заболел. Все уверяли потом, что тетя Саша была как-то особенно расстроена и печальна. Бабушка, желая ее подбодрить, сказала: «Не печалься, куда он не денется, вернется твой муженек».

Сообщение в те времена было гораздо сложнее, почта шла долго. Прошло немало времени, ни обещанной телеграммы, ни писем не было. Недели через две явилась к нам тетя Саша, вся взволнованная. На ней не было лица. Бабушка посоветовала запросить родителей Богданова телеграммой. На этот запрос пришел удивленный ответ. Выяснилось, что он не приезжал и вообще о нем не было ни слуха ни духа. Тогда поднялась большая суматоха, в которой принимали участие наша семья и вся семья Ревуцких. Было заявлено всюду в полиции, напечатаны объявления во всех местных газетах и даже в столице. Родители Богданова тоже принялись за усиленные розыски. Но все эти энергичные меры оказались тщетными. Никто никогда не нашел мужа тети Саши. Он исчез, как будто бы и не существовал. Один-единственный молодой инженер сказал, что ехал с Богдановым до известной станции, где у него была пересадка. Он вышел и больше, конечно, его не видел. По его словам, поезд был пустынный, пассажиров почти не было. После этого заявления многие стали предполагать, что он был по дороге убит и ограблен. Во всяком случае, это трагическое исчезновение осталось тайной для всех. Можно себе представить состояние тети Саши в те дни. Она долго крепилась, надеялась, но, когда все надежды исчезли, она снова переехала к нам и надела глубокий траур.

Как ни длилась зима в мрачных стенах института, она все же кончилась, и в конце мая наспустили на летние каникулы. Тетя Саша приехала за мной, и мы на другой же день отправились в Веселый Раздол. Наступающее лето обещало быть жарким, настолько, что все уже в деревне купались, и я с невыразимой радостью примкнула к моим деревенским приятелям. Луня выросла, она даже показалась мне слишком взрослой, совсем не такой, как я ее оставила. Научившись жонглировать мячами, я производила фурор среди моей примитивной банды и принялась усердно применять мое искусство верхом на лошади. Ребята бегали вокруг, подавали мне мячи и радовались моим успехам. Отец относился равнодушно, но очень ворчал на мое неблестящее учение, так как хотя я и перешла в шестой класс, но отметки у меня

⁷ Ревуцкие – известная на Украине фамилия. Наиболее видные ее представители – братья Лев и Дмитрий Николаевичи Ревуцкие. Первый из них (1889–1977) композитор; второй, старший (1881–1941), музыковед и фольклорист. Фамилия увековечена в названии иконы Божией Матери «Ревуцкая» в Херсонской епархии, а также в названии села Ревуцкое и улицы Ревуцкого в Киеве.

⁸ Возможно, потомки видного инженера путей сообщения Н.И. Богданова.

были слабые. Преподаватели меня упрекали в большой рассеянности и небрежности. В русском языке я сделала большие успехи, по французскому языку была первой.

Вскоре, к моей радости, приехали дядя Жорж, мадам Жюли и дети. Дядя Жорж оставался недолго. Он всегда торопился в свой военный лагерь. Он очень дрожал над детьми, не позволяя им ездить верхом, купаться, что выводило отца из себя. Он находил это большой глупостью. Коля, мой младший кузен, перед отъездом отца громко закричал: «Ура, папа уезжает!» Отец расхохотался, а бедный дядя Жорж чуть было не заплакал от обиды. Действительно, после его отъезда дети пользовались большей свободой. Мадам Жюли тоже считала, что им лучше привыкать ко всему, а не сидеть в вате.

Дом наполнился гостями, и отец выписал мне из Одессы репетитора-студента. Он был греческого происхождения и звали его Жан Романо. Он был очень веселый и остроумный. Мы занимались по утрам, особенно арифметикой, которую я терпеть не могла и проклинала, что она существует. Отец был знаком со всей семьей Жана и пригласил их тоже гостить. Приехали его мать и сестры, Анжелика и младшая Нина, моих лет. Анжелика была настоящая красавица, полная жизни высокая брюнетка, с черными, жгучими глазами. Она сразу всех покорила. Молодые соседи все к нам зачастили, в нее влюблялись, ухаживали, делали предложения, но она не давала предпочтения никому, но со всеми флиртowała и веселилась. Семья Ламзиных тоже появилась, хотя ненадолго, дом и оба флигеля были переполнены.

Очень часто мимо усадьбы проезжала лихая наездница в черкесском мужском костюме. Дело было к концу лета, и напротив усадьбы работала молотилка. Один раз наездница остановилась и спросила о чем-то отца. Он разговорился с ней и начал усиленно ее уговаривать остаться с нами поужинать. Как раз в тот день ждали гостей. Был устроен большой банкет на террасе, длинные столы были расставлены с парадной сервировкой. Всадница оказалась дочерью соседа-помещика, очень богатого вдовца Нейперга, по происхождению австрийца. Она окончила Одесский институт и жила с отцом и теткой, сестрой покойной матери, в имении отца и ежедневно ездила за почтой на станцию Помощная. Эта девушка была оригинального типа, с совершенно рыжими золотистыми волосами и с очень красивыми зелеными глазами. Она была высокая и стройная, а ее руки и ноги были маленькие, породистые. Уговоры отца ее смущали, ей хотелось остаться, но она не решалась, отговариваясь, что ее отец будет беспокоиться. В конце концов она уступила, предупредив, что уедет сразу же после ужина. Съехалось много народу, и ужин был, как всегда, очень оживленный. После десерта наша новая знакомая отправилась домой. Отец незаметно исчез, взявшись ее проводить. По окончании ужина вся молодежь пошла танцевать, среди гостей всегда находились охотники изображать тапера. В ту пору большая часть людей общества умела играть на пианино. Старики уселись в гостиной за карточными столиками, зажженные свечи в старинных подсвечниках придавали уют всей атмосфере вечера. Отец, вернувшись, заиграл на гармонии, запел свои обычные песни и внес еще больше оживления.

Привыкнув к мысли о возвращении в институт, я более хладнокровно относилась к этому неизбежному факту. Так же как и в прошлом году, отец отвез меня в Одессу. Тетя Саша приехала только через месяц. Она сообщила мне, что отец надолго уехал в Париж. Это известие меня несколько не огорчило. Мы были далеки друг от друга. Он постоянно меня бранил, выискивал во мне всевозможные пороки, а когда был особенно рассержен, то предсказывал мне ужасное будущее. Постоянное заступничество тети Саши не помогало ничуть.

В институте я продолжала дружить с Лизой Варун-Секрет и Марусей Загорской⁹. Мы неразлучно гуляли по длинному коридору во время переменок. Учили уроки по вечерам, помогая друг другу. В дортуаре умудрились спать рядом, и, когда дежурная надзирательница ухо-

⁹ В списке землевладельцев Елизаветградского уезда на 1908–1909 гг. часть 1 (А – К) значится Загорская Мария Васильевна, жена корнета, а также дворяне Загорские: Владимир, Бронислав, Болеслав Александровичи.

дила к себе, мы долго болтали. Но позднее появлялась дежурная ночная, и тогда за поздние разговоры нам влетало. Как полагалось во всех институтах, мы носили форму. Синие, из толстого коленкора платья, белые пелеринки, белые рукава и передники. Обувь была легкая, прюнелевая¹⁰, в виде ботишков. Вставали мы в семь часов утра по звонку, отправлялись в большую умывалку, где во всю длину стены были приделаны умывальники с медными кранами. Мы очень быстро мылись холодной водой; зимой она была ледяная. Затем спускались в огромную столовую, где обычно хором пели молитву. Там нам подавали чай с ситным хлебом, и только по праздникам полагалось масло. Во время одного из этих ранних завтраков классная дама из старших классов потребовала молчания и громко сказала: «Дети, у нас сегодня рабочие починяют электричество в большом зале. Поэтому вы будете бегать в коридоре во время переменок, а в зал я вам запрещаю входить». Когда первый урок закончился, мы с Лизой и Марусей бросились в коридор и бродили по нему вдоль и поперек, толкаясь среди многих других, высыпавших из всех классов. Маруся высказалась, что было бы любопытно посмотреть, как работают электрики. Но строгий запрет висел над нами. Маруся все же предложила заглянуть в зал на следующей перемене. Ведь можно было незаметно удрать в направлении запрещенного места.

Обдумав наш тайный маневр, мы направились сейчас же после звонка к залу. Конечно, при том шуме, который был в коридоре, никто не заметил, как мы отворили дверь и очутились в запретном помещении. Там действительно орудовали молодые электрики. Их было трое, они курили и весело работали. Они все трое на нас обернулись, и знакомство состоялось очень быстро. Приняли они нас очень любезно, начали расспрашивать про нашу «тюремную» жизнь, как они выразились. Маруся захотела посмотреть, как они починяют электричество. Тогда один из них вылез в окно, почти висел снаружи и на наши опасения, что он может свалиться, весело смеялся. Незаметно пролетели пятнадцать минут, и мы начали собираться обратно. На прощание они нас наградили семечками, вытаскивали их из своих карманов и сыпали в наши огромные карманы. Но когда мы вышли из зала, нас охватил ужас. Коридор был молчалив и пуст, и по нему прямо на нас шла самая старшая «классюха», так мы называли своих классных дам. Она обрушилась на нас и сразу же объявила, что пойдет и доложит Маман, нашей директрисе. «Немедленно отправляйтесь в свой класс и объясните, почему вы опоздали», – грозно добавила она и побежала доносить. В классе нам влетело, но причины опоздания мы не объяснили и виновато заняли свои места. Когда окончился последний урок, мы отправились в столовую. Туда же прибыла Маман. После всеобщего приседания и громогласного «Бонжур, Маман» водворилась тишина, было слышно пролетевшую муху. Вот тут-то и началась наша трагедия. Маман произнесла высокопарную речь о том, что в стенах ее благородного заведения находятся такие возмутительные элементы, которые нарушают своим поведением весь уклад жизни. Несмотря на запрет ходить в зал к рабочим, нашлись три девицы, которые осмелились туда отправиться, завели с ними знакомство, громко хохотали, словом, опозорили наше учреждение «благородных девиц». Речь закончилась требованием, чтобы виновницы вышли и показали всему институту. Мы все три посмотрели друг на дружку и смело шагнули вперед. Я не чувствовала за собой никакой вины, вообще плохо понимала, что с нами происходит, но мысль о том, что отец узнает о моемслушании, охватила меня ужасом. Маман посмотрела на нас ледяным пронизывающим взглядом и сказала сурово: «Ступайте на свои места. Я напишу вашим родителям о вас, и мы сообща обдумаем, как вас наказать». В следующий приемный день явилась озабоченная тетя Саша. Она мне сказала, что ее вызывала начальница, жаловалась на меня и просила известить отца о моем поведении. «Ну для чего тебе было отправляться в этот зал, заводить знакомство с рабочими? Видишь теперь, какая каша заварилась, и не расхлебашь. Отец на днях придет», – прибавила она после небольшой паузы. Сердце мое похолодело от этой неожиданной новости.

¹⁰ Прюнель (*фр.* prunelle) – тонкая плотная ткань для изготовления верха обуви, обивки мебели.

Отец действительно явился, и после свидания с начальницей он мне строго и коротко сказал: «После Рождества я тебя переведу в Петербургский институт. Там много строже, и тебе не дадут разойтись во всю Ивановскую, как тебе бы хотелось». Жутко стало на душе после этого заявления, но надо было покориться. Я знала, что Петербург – это наша столица, где-то далеко на севере, в снегах и во льду. Чем-то далеким и чужим веяло от этого незнакомого места. Стало страшно и неуютно от сознания, что придется столкнуться с этим новым, жутким миром.

Незадолго до Рождества тетя Саша забрала меня из института и мы отправились в Веселый Раздол. Это было последнее Рождество, проведенное мной в родном гнезде. Зима стояла лютая; морозы трещали не переставая. Наши широкие равнины были завалены снегом. Как только мы приехали, все мои деревенские друзья собрались нас приветствовать. Начались наши совместные игры, спуск на салазках с ледяных горок, гонка ворон, которых на снегу завелось несметное количество, катание на коньках на замерзшем пруду. В первый день Рождества мы были приглашены к Рустановичам на елку. Это были небогатые помещики, самые любимые соседи отца. Их семья состояла из отца, матери и девяти душ уже взрослых детей. В то время семь из них уже были женаты и имели своих детей. Все сыновья были военные, разбросанные в разных частях России. Дочери тоже были замужем, кроме двух, Ольги и Ани, слишком еще молодой. Ольга вообще никогда замуж не вышла, несмотря на очень приятную наружность. Она вся посвятила себя семьям братьев. Постоянно ездила к ним в гости, то к одному, то к другому, ухаживала за их детьми и учила их. Ее все любили и разрывали на части. Эта патриархальная семья была на редкость сплоченная, объединенная общей любовью и уважением к умным старикам родителям. Вспоминая эту семью, нельзя не упомянуть о Дне святого Владимира, 15 июля, когда все дети со всех концов России съезжались со всеми своими семьями, няньками, гувернантками, чтобы поздравить отца и провести с ним хотя бы дня три. Не только дети, но и вся округа без всякого приглашения являлась на именины. Зачастую некоторые слишком дальние оставались ночевать. Так как было жаркое время, им стелили матрасы на террасе, решительно все комнаты были заняты. Но как весело и уютно проводили мы эти именины!

В тот период у нас в Раздole была устроена елка. Тетя Саша, всегда во всем прекрасная организаторша, превзошла себя. Мы с Дуней получили от нее задание приготавливать украшения. Покрывали золотой и серебряной бумагой орехи, раскрашивали звезды из картона, даже мастерили игрушки, приспособливали петли к хлопушкам, вставляли разноцветные свечи в крохотные подсвечники. В первый день Рождества позвали всех деревенских ребят. Они явились принаряженные: мальчики в вышитых рубашках, девочки с монистами на шее и круто заплетенными косами. Сначала они дичились, но тетя Саша их скоро покорила. Они даже устроили хоровод вокруг елки. Мальчики танцевали вприсядку и так разошлись, что их остановить было невозможно. После обильного чая с угощениями, получив много всяких сластей и игрушек, они разбежались по домам в свою деревню, находившуюся недалеко от нашей усадьбы. Конечно, проходили обычные колядки⁵. Все эти ребята являлись вечером замаскированные в самых разнообразных костюмах. Пели рождественские песни, а затем, наполнив мешки всякими съедобными вещами, особенно были в моде пряники, изображавшие зверей и звезды, они уходили в другие дома.

Устроили также елку для взрослых. Вся округа к нам съехалась с чадами, домочадцами, гувернерами, учителями, няньками и т. д. Наш кучер Евгений ездил в село Ново-Украинка закупать несметное количество всевозможной провизии, сластей и игрушек. Эту елку я хорошо помню, она была прекрасная. Высокая, почти до потолка, свежая, темно-зеленая (срублена была в нашем саду), прекрасно украшенная, она вносила в дом торжественность и вековую красоту праздника. Молодежи набралось много, и было кому танцевать вокруг елки. Перед началом танцев спели хором рождественский тропарь. Среди многочисленных гостей были

Бжежицкие: три красавицы сестры и их братишка Алеша. Мы с ним давно подружились, и он иногда в воскресенье навещал меня в институте. В то время Алеше было четырнадцать лет. Он отличался своими совершенно рыжими волосами и очень странными серо-зелеными глазами. Он был застенчив, как юная девица, и ежеминутно краснел. Натанцевавшись вдоволь, мы с ним решили пройти в сад, туда, где находился памятник дедушке и бабушке.

По дороге Алеша мне сказал: «Когда мы вырастем, мы с тобой поженимся. Так хотят мои родители, бабушка и сестры». – «Ну а разве сам ты не хочешь?» – удивилась я. «Хочу, иначе бы не говорил», – ответил он, покраснев до ушей. Мне тогда было всего девять лет. Тогда я еще не понимала, что собой представляет какое-то замужество, но, однако, инстинктивно возгордилась этим первым предложением. В душе даже поверила, что это сбудется. Начала фантазировать, как мы с Алешей будем плавать, ездить верхом, кататься на коньках и т. д. Эти мечты были резко прерваны при нашем возвращении. Нам здорово попало от старших за то, что мы отправились на двор в морозный вечер после танцев, разгоряченные и недостаточно тепло одетые. «Простудишься, вот тебе и поступление в питерский институт», – ворчала тетя Саша, и тут же обычный припев: «А что скажет отец?» Но я не простудилась, и вскоре после Крещения мы стали собираться в Петербург. Напоследок со мной произошло приключение, которое могло очень скверно кончиться. Пользуясь тем, что тетя Саша очень занята сборами к нашему путешествию, я как-то отправилась с коньками на пруд. Вечерело, крепкий морозный воздух щипал лицо и захватывал дыхание. Я была тепло одета. Башлык, туго завязанный на шее, не допускал холода, предохраняя уши. У меня теплилась надежда встретить кого-нибудь из ребят, но на пруду стояла мертвая тишина, и признаки тяжелых зимних сумерек давали себя чувствовать. Голые безлиственные деревья, покрытые обледенелым снегом, обрамляли широкую плотину. Они казались издали таинственными гигантами. Надев коньки, я смело бросилась вперед по направлению плотины, которая разделяла нашу усадьбу и деревушку, находившуюся на другой ее стороне. Было приятно скользить по заледенелому пруду, но и жутко. В торжественной зимней тишине с приближающейся ночью даже назойливое карканье ворон утихло. Подбегая к плотине, которая была целью моего передвижения, я почему-то взяла слишком близко к берегу. Неожиданно, не успев опомниться, я очутилась в ледяной воде. Невольно нырнув, я, ничего не понимая, инстинктивно вынырнула на поверхность и пробовала за что-то ухватиться, но не тут-то было. Что-то гладкое, ледяное выскальзывало из моих рук, и я с ужасом поняла, что очутилась в проруби, в которой деревенские бабы полоскали белье. Безднажность положения заставила меня громко закричать. Но только эхо в прозрачной тиши отозвалось на мой вопль. Крикнув несколько раз и выбиваясь на поверхность ледяной воды, я уже решила перекреститься и погрузиться на дно, в нирвану, но вдруг услышала надо мной шум и голоса. Вскоре я смогла уцепиться за длинную палку, которая сначала ударила меня по голове. Я вцепилась в нее обеими руками. «Держи крепче!» – кричали мне сверху. В тот незабываемый момент меня всю охватило ощущение возвратившейся надежды на спасение. Когда я очутилась на поверхности, меня срочно потащили в ближайшую хату, где жил наш садовник. Он ахнул и всплеснул руками. Его жена и другие бабы, находившиеся в тот момент в хате, все заголосили, но тотчас же бросились меня раздевать, растирать спиртом, затем дали другую одежду и заставили выпить горилки. Почувствовав горячий прилив водки, я сразу ощутила радость вернувшейся жизни. Оказалось, что меня спасли рабочие, рывшие канал на другой стороне плотины. Они случайно задержались позднее обыкновенного и услышали мои отчаянные крики. Не стану описывать ужас тети Саши и гнев отца, который в порыве негодования говорил: «С таким характером наверняка тюрьмой кончишь». Но при чем была «тюрьма», этого я объяснить не могла.

Отъезд наш приближался, и приятно было сознание снова увидеть мадам Жюли, дядю Жоржа, Колю, Тамару и Сашу. Но мысль об этом институте, о котором отец говорил как о строящемся, нет-нет навертывалась и больно колола сердце. На Крещение отправились на станцию

Помощная. Недалеко от нее находилась маленькая церковь. После бесконечно длившейся церковной службы отец Александр повел нас к себе закусить. Тетя Саша попросила его приехать к нам и отслужить напутственный молебен.

Уложились мы быстрее, чем думали, и в одно ясное морозное утро выехали на станцию. Да, это было действительно последнее Рождество, проведенное в родном гнезде, в кругу близких соседей, с деревенскими ребятами, с которыми связано все детство, с традиционными колядками, с пышной, только что срубленной елкой. Поездка в Петербург показалась бесконечной, хотя и совершалась в прекрасных условиях. Мы занимали с тетей Сашей просторное купе 1-го класса, отец помещался отдельно. Ходили обедать в ресторан, из окон которого я с любопытством следила за быстро мелькавшими пейзажами наших русских, необъятных просторов. Первые сутки мы проезжали по огромным равнинам украинских степей, покрытым белоснежным покрывалом. Иногда мелькали деревушки с неизменной церковью, блестящей своим синим или золотым куполом с сияющим восьмиконечным крестом. Издали казалось, что он самостоятельно плавает в прозрачном воздухе. Попадались тоже обледеневшие реки и пруды. Иногда мы с тетей Сашей слезали на больших остановках и лакомились чаем с вкусными пирожками. Если отец случайно нас сопровождал, он выпивал рюмку водки с закуской. Он любил знакомиться с кем попало. Зазывал к себе в купе, и тогда разговоры длились часами. Конечно, в тот период всех интересовала политика. Провал нашей войны с Японией занимал все умы в те неприятные времена. Хотя я мало что понимала в этом сумбуре событий, но до меня долетали возмущенные критики нашего режима и общий пессимизм, неизбежный при обстановке бунтов и крупных беспорядков. С одной пересадкой на станции Синельниково, после двухсуточного путешествия, мы все же прибыли в Петербург. Было светлое морозное утро. На Николаевском вокзале нас встретил дядя Жорж в своих санях, нарядный, в конногвардейской форме, и красивый. Мы расположились в квартире на Литейном проспекте. Дядя Жорж и отец снимали ее вместе. Дом был в мавританском стиле, с двумя большими арками, и принадлежал некоему Мурузи⁶. Там же я с радостью встретила мадам Жюли и маленьких кузенов. Но мне не пришлось долго попользоваться их присутствием, так как отец на другой же день отвез меня в институт.

Это учреждение находилось на Знаменской улице, 8. Хотя оно по своему расположению походило на одесское, но почему-то сразу мне показалось гораздо приятнее и проще. Нас встретил толстый, с бакенбардами, швейцар, прозвище которого было (как потом выяснилось) Дон Педро. Он поздоровался очень приветливо с отцом, мне улыбнулся и впустил нас в комнату, где стояли деревянные диваны и висел портрет Императрицы Марии Федоровны, попечительницы всех институтов. Он очень быстро вернулся и доложил, что начальница нас ждет. Ольга Михайловна Бутурлина оказалась очень степенной пожилой дамой. Разница ее внешности и обращения с Кандыбой была огромная. Во всем ее облике чувствовались печать векового дворянства и вместе с тем простое добродушие русской женщины. Расспросив довольно подробно отца обо мне, она поговорила со мной по-французски и похвалила мои знания. Затем сказала отцу, что она не сомневается, что я отлично справлюсь с шестым классом. Было решено также, что я буду брать уроки музыки у профессора Лаврова, преподающего также в консерватории. Отец заявил, что он готов полностью оплачивать мой пансион, чтобы оставить свободную вакансию для неимущей. «Да, вы об этом уже заявили в вашем письме, но это меня не касается, для этого у нас своя канцелярия». Затем она позвонила и при появлении горничной приказала ей вызвать классную даму шестого класса. Явилась очень некрасивая дама, вся в черном, и заговорила по-немецки с начальницей. Поздоровавшись с отцом и со мной, она велела мне следовать за ней. Путешествие по огромному длинному коридору не кончалось. Все же мы очутились в большом светлом классе, где сидело много девочек. Урока не было, но они все что-то учили, громко смеялись, и в воздухе стоял гул смешанных голосов. Классная дама заявила громко: «Вот, я вам привела новичка из Одессы, приласкайте ее, она никогда

не бывала в Петербурге, она уроженка Украины». Затем она вышла. Девочки повскакали со своих мест и окружили меня. Все сразу задавали мне вопросы: «Как тебя зовут? Отчего ты из Одессы к нам приехала?» Когда я заговорила, они все покатались со смеху. Оказалось, что мой явный украинский акцент их всех рассмешил. Некоторые меня передразнивали. Я действительно заметила, что все они говорят иначе и их голоса звучали звонче и чище.

Распорядок дня, конечно, был такой же, как в Одессе. Вставали также в семь часов утра и мылись холодной водой. Спускались на молитву, и затем был утренний завтрак: чай с молоком и хлеб с маслом. Все мне показалось вкуснее, чем в Одессе. Когда появлялась Ольга Михайловна, мы также приседали и здоровались по-французски. Но она так приветливо и весело отвечала, к некоторым подходила, задавала вопросы и гладила их по голове. Чувствовались простота и ласка в обращении. Я сразу же подружилась с очень приятной блондинкой Леночкой Матушевской и с другой, очень крупной девицей, Женей Мезенцовой. Обе они хорошо пели и участвовали в церковном хоре. Леночка позднее была регентшей этого хора. Наша церковь находилась на третьем этаже, над дортуарами. Мы ее посещали по субботам и воскресеньям, а также во все церковные праздники. Время Великого поста осталось в памяти как «хождение по мукам». На четвертой и на Страстной неделе мы ходили в церковь два раза в день. Службы были бесконечно длинные, и присесть не полагалось. Иногда выносили упавших в обморок. Но, однако, этого требовала наша православная религия, и надо было ей подчиняться. Нас отпускали на пасхальные каникулы обыкновенно на Страстной неделе.

Очень быстро ознакомилась я с жизнью института и полюбила ее. В противоположность отцовскому суждению дисциплина оказалась куда менее строгая, чем в Одессе, да и сама жизнь была уютнее и веселее. Утром были уроки до двенадцати часов с переменками в пятнадцать минут. После третьего урока был завтрак, с молитвой до и после еды. Затем мы все бросались в «одевалку», где напяливали на себя нижние толстые штаны, башлыки и отправлялись в сад, где зимой катались на коньках, спускались с горок на салазках. С весны был теннис, гигантские шаги, всевозможные качели и гимнастические приспособления. В четверг и воскресенье были приемные дни, когда приходили нас навещать родные и знакомые. Отец вскоре после моего поступления в институт вернулся в имение, где еще не кончились всевозможные работы после уборки хлеба. Тетя Саша уехала с отцом. Мне было очень грустно с ней расставаться, но она не могла переносить сурового петербургского климата. Дядя Жорж приходил каждое воскресенье, иногда даже в четверг, и приносил много сладостей и всевозможного баловства.

Девочки привыкли к моему акценту и больше не дразнили меня. Даже поправляли, когда я делала ошибки, особенно в ударениях. Но у меня был серьезный козырь. Я знала французский язык лучше всех. Классная дама, с которой я познакомилась в первый день моего поступления, оказалась очень симпатичной. Ее звали Августа Маврикиевна Вольф, и, будучи немецкого происхождения, она исполняла немецкое дежурство. У нас было такое правило: один день был посвящен всецело немецкому, а другой – французскому языку. Мы должны были говорить даже между собой на этих языках, что мы, конечно, не всегда исполняли, особенно когда вылетали на переменку в коридор. Наше французское дежурство было менее интересно, так как «классюха» была русская дама, Парамонова, которая совершенно не умела с нами справиться. Она без толку орала и, хотя она отлично знала французский язык, внушить нам к нему любовь не могла. Зато преподавательницу мадам Гризей, настоящую француженку, мы очень любили и уважали. Она всегда была веселая, никогда не сердилась, но беспощадно ставила скверные отметки тем, кто шумел или шалил в классе.

В один из приемных дней дядя Жорж с очень таинственным видом заявил мне, что ему нужно со мной очень серьезно поговорить. «Папа скоро приедет, – сказал он, – но он приедет не один, а с женой». На мое удивленное восклицание он объяснил, что папа женился на той соседке, которая ездила верхом мимо Раздола, зовут ее Клеопатра Михайловна. Тотчас же я вспомнила, что недавно получила письмо от тети Саши, в котором она мне сообщала, что

в моей жизни скоро произойдут большие перемены. Смутно пронесся образ всадницы в красивой черкеске, с папачкой на золотистых волосах. Вспомнилась дорогая, такая близкая тетя Саша, стало как-то неуютно на душе. Но время шло и вело к неизбежным переменам.

С первой же встречи с Клеопатрой Михайловной⁷ я полюбила ее. Она пришла с отцом ко мне на прием, принесла массу всякого баловства и весело заявила: «Вот, нам предстоит жить вместе, я надеюсь, что мы подружмся с тобой. Познакомимся ближе, я буду часто тебя навещать, отец не всегда сможет». Она исполнила свое обещание и приходила каждый прием. Я восхищалась ее знанием языков, особенно немецкого, что было естественно, так как ее отец был чистокровный австриец. Впоследствии она мне много помогла в этом, так как я плохо усваивала тяжеловесный стиль этого языка. В институте от нас серьезно требовали знания этих двух главных языков, иначе невозможно было получить аттестат зрелости.

Поразили меня весной белые петербургские ночи¹¹. Я много о них слыхала, но реально не могла себе представить, пока не увидела и не ощутила их странной и таинственной красоты. Отодвинув толстые занавеси, мы любовались этим прозрачным светом. Наш сад тонул в голубоватой мгле. Сидя на подоконнике, можно было свободно читать. Когда впоследствии мы готовились к выпускным экзаменам, мы все толпились на этих подоконниках, ссорились из-за мест. Плохо было тем, кто не успел себе отвоевать уютного местечка, им приходилось устраиваться на полу в коридоре, со свечами, ввиду того, что эти ночные занятия были официально запрещены начальством и электричество не полагалось зажигать. Свечи заменяли его, и начальство смотрело сквозь пальцы на наши устройства.

Хотя жизнь в Павловском институте не тяготила меня, я с большим нетерпением ждала весны. Обыкновенно нас отпускали в конце мая на летние каникулы, но уже за два месяца до этого я ждала этого дня и мечтала о возвращении в деревню. В тот год отец уехал ранней весной. Этого требовало его земледельческое хозяйство, которым он не пренебрегал, не полагаясь всецело на управляющего, что делали почти все помещики.

Отправились мы большой компанией. С нами ехали мадам Жюли, Саша, Коля и Тамара. Как всегда, дядя Жорж обещал приехать погостить до своего военного лагеря. По обыкновению, тетя Саша встретила нас радушно и весело. Мне сразу же бросилась в глаза большая перемена в ней, она сильно похудела и осунулась. Затаенное беспокойство зашевелилось в моей душе, было ли это предчувствие?

Вскоре появилось новое существо в нашей семье, девочка лет четырнадцати, с неприятными манерами и полуграмотная. Отец мне ее представил так: «Прошу любить и жаловать, это твоя старшая сестра». Ужасно мне не понравилась эта «старшая сестра», вдруг с неба свалившаяся. Жеманная, с особенным фамильярным отношением к отцу, как будто бы у них давно установилась прочная дружба. Очень скоро после этого неприятного вторжения заболела тетя Саша; она жила в отдельном флигеле. Я каждый день ходила ее навещать. Мы много с ней говорили по душам; в одной из этих бесед она сказала: «Жаль, что отец взял на воспитание Улю, она совсем здесь не подходит. Я отговаривала его, но Клеопатра Михайловна согласилась, в этом вся беда».

Тете Саше становилось все хуже и хуже. Пожилой доктор, еврей, который всегда нас лечил, стал часто приезжать из Елизавет-града и оставался ночевать. Когда неожиданно появился отец Александр, мое сердце болезненно сжалось, я поняла, что происходит что-то серьезное и страшное. После довольно долгого пребывания у больной отец Александр вышел на крылечко флигеля, позвал меня и сказал: «Иди к тете Саше, она тебя зовет». Тетя Саша лежала на белоснежной подушке, и ее лицо мне показалось восковым. Подозвав к себе, она благословила меня старенькой иконой Казанской Божией Матери, тихим голосом, но внушительно

¹¹ Период белых ночей в Санкт-Петербурге длился с 11 июня по 2 июля. Более светлые, чем обычно, ночи наблюдаются с 25–26 мая по 16–17 июня.

сказала мне: «Никогда не отступай от своей религии, крепись, всего навидуешься, молись, особенно Божьей Матери. Она будет твоей заступницей, а я там буду просить Ее об этом». Слезы душили меня. Отец вошел вслед за мной, а я убежала, чтобы не показать ей моего волнения. Клеопатра Михайловна поняла остроту моего горя и всячески приблизила меня к себе. В тот же день тетя Саша скончалась. Всю ночь я не спала, заливаясь слезами. Клеопатра Михайловна не отходила от меня. Ко всем близким соседям отец послал верховых. К первой панихиде собралось много народу, вся дворня и все жители нашей деревушки. Покойницу все любили, особенно простой народ. Она всем помогала и обо всех заботилась.

Все старались меня утешать, уверяя, что так лучше, что она больше не страдает и теперь у Господа Бога в раю. Но эта длинная бессонная ночь с шумом молотков, сколачивающих гроб, была настоящим кошмаром. Я была совершенно выбита из колеи, даже не обращала внимания на глупые, бестактные выходки Ули, которая никогда не приобрела способности чувствовать, как себя вести в каком бы то ни было случае. Несмотря на целую плеяду учителей, гувернанток, появившихся после ее прибытия, она упорно оставалась глупой невеждой, с вкоренившимся мещанским мировоззрением. Вместе с тем она обладала необычайной хитростью и постепенно завоевывала благосклонность отца, ловко настраивала его против всех. Словом, несмотря на свои четырнадцать лет, это было существо совершенно сформированное, пропитанное любовью к интригам, озлобленное с самого начала своего появления в Веселом Разделе. Вскоре я узнала, что Уля незаконная дочь отца. Она появилась на свет еще задолго до его женитьбы на моей матери. Он давно хотел ее удочерить, так как ее мать вышла замуж за очень неприятного и грубого человека. Отцу никогда не удавалось выполнить свое намерение, так как моя мать и тетя Саша всячески противились этому. Клеопатра Михайловна уступила и долгие годы горько платила за свой благородный поступок.

После смерти тети Саши Клеопатра Михайловна очень часто ездила в Одессу. Один раз она вернулась с маленькой девочкой двух лет, голубоглазой и с беленькими волосами. Она мне весело сказала: «Вот тебе еще сестренка, видишь, какая она еще маленькая и беспомощная». Моему изумлению не было конца. В то время я мало что понимала, но позднее пришлось разобраться в этом невероятном хаосе нашего быта.

Оказалось, что когда Клеопатра Михайловна очутилась у нас на банкете в первый раз, отец, провожавший ее до дому, на другой же день отправился к Нейпергу просить ее руки. Но крутой старик, недовольный слишком самостоятельным поступком дочери, резко отказал отцу. Вот тогда-то отец и Клеопатра Михайловна уехали в Париж и долго там пробыли⁸. Когда они вернулись в Одессу, у Клеопатры Михайловны родилась девочка, которую они поместили в знакомой греческой семье Романо. Затем они поженились и зажили в Веселом Разделе, но старик Нейперг проклял дочь и все свое имение завещал своему управляющему. У Клеопатры Михайловны все же были средства от ее покойной матери. Ее тетка, сестра матери, жившая с ними много лет, не на шутку рассердилась на жестокость старика и переехала жить в Одессу. Очень скоро выяснилось, что Клеопатра Михайловна ждет второго младенца. Отыскивали хорошую русскую няню, уроженку Калужской губернии. Она прекрасно умела воспитать малышей и возилась с ними с необыкновенным терпением.

Это было совсем невеселое лето. Я очень тосковала по тете Саше. Часто ездила на станцию Помощная, где она была похоронена при церкви. Клеопатра Михайловна меня никогда не бранила, наоборот, часто баловала, привозя из Одессы всевозможные игрушки и книги, но при всем своем желании она не могла заменить мне тетю Сашу. Мои постоянные поездки верхом были моим любимым занятием. Когда моя казацкая Заира носила меня по нашим степным равнинам, острота моей потери смягчалась. Конечно, постоянные забавы с деревенскими ребятами тоже отвлекали меня от мрачных мыслей и переживаний.

В тот период строилась у нас большая птичня. Мы любили влезать на крышу и бросаться оттуда в огромную кучу соломы, предназначенную для покрытия этой крыши, как это водилось

испокон веков на Украине. Мне пришлось крепко поплатиться за эту забаву. Бросившись в солому, я получила ранение руки в трех местах. Оказалось, что рабочие, отправляясь завтракать, забыли вилы, зарытые в куче соломы. Пока прибежали взрослые, я обливалась кровью. Няня собрала паутину в самом большом амбаре, покрыла мои раны этой пыльной паутиной, а затем завязала тряпками. К счастью, отец и Клеопатра Михайловна отсутствовали. Они вернулись, когда моя рука подвигалась к поправке. В то же лето у меня образовался на шее отвратительный лишай. Доктор сказал, что я заразилась от лошади. Никакие помады и внутренние средства ничуть не помогали. С этим лишаем я уехала в институт, где мне его всю зиму лечили, абсолютно без результата. С ним же я вернулась на следующий год в Веселый Раздол.

То лето было веселее предыдущего; атмосфера прояснилась, отец снова пригласил много гостей. Кроме того, произошло большое событие. Появился на свет маленький братик Сергей. Нянька целыми днями прогуливала его в саду, она его прозвала Масик, и это прозвище оставалось за ним долгие годы. Меня очень опечалило то, что я заметила, как Клеопатра Михайловна дрожит над мальчиком и как холодно относится к девочке. Я долго старалась себя убедить, что ошибаюсь.

Отец постоянно сердился на мой лишай, ругал всех докторов и вообще был в каком-то яростном настроении. Прислуга пробовала ему намекнуть, что есть на деревне баба, известная знахарка Матрена, которая лечит пришептыванием. Конечно, отец погнал всех вон с этими советами, но, однако, произошло нечто особенное, выходящее вон из ряда общих событий. Прогуливаясь как-то на берегу пруда, недалеко от деревни, я увидела приближавшуюся ко мне Матрену. Приблизившись ко мне, она сказала: «Я слыхала, что у тебя на шее какой-то лишай, который никто не может вылечить, а ну-ка, покажи». Я повернулась к ней спиной и показала ей свою шею с злополучным красным лишаем. Матрена очень тщательно его осмотрела, покачала головой и сказала: «Ты батьке ничего не говори, а рано утром, натошак, приходи ко мне». Я ей обещала прийти. Как всегда, мы, дети, помещались во флигеле. Рано утром я встала, потихоньку вылезла в окно, чтобы скрипом двери не разбудить других, и смело направилась к деревне.

В усадьбе было тихо, наш флигель, полный ребят, был объят сладким сном. С черного двора слышались возгласы дворовых, ржание лошадей и лай собак. Когда я пришла к Матрене, я сразу поняла, что она меня ждала. Она стояла у входной двери своей беленькой хаты, окруженной яркими подсолнухами. В ее хате было прохладно и уютно. В углу висели образа с вышитыми рушниками, горела лампада, кровать с горой подушек была покрыта нарядным одеялом, сделанным из разноцветных шелковых квадратиков. На полу лежала длинная чистая циновка, вдоль стен тянулись деревянные скамейки. Войдя в хату, я перекрестилась на образа и начала ждать, что получится, не без некоторой тревоги. Матрена принесла булавку. На мой вопрос, зачем это понадобилось, она мне ответила, что больно мне не сделает и что нечего бояться. Велела снять кофту и начала свою процедуру тем, что двигала булавкой, еле дотрагиваясь, вокруг лишая, при этом бормотала на малороссийском языке. Окончив эту странную процедуру, она мне велела прийти на другой день в это же время. Вернувшись домой, я поспешила осмотреть мой лишай в зеркале, и мне показалось, что он значительно побледнел. На другое утро, окрыленная надеждой на избавление от этого упрямого недуга, я помчалась к Матрене. Она продолжала то же самое, что накануне, той же булавкой, валявшейся на столе. Окончив, она с улыбкой мне сказала. «Ще завтра прийдешь, а шо будэ казаты твий батько, мени байдуже». Эта малороссийская тирада означала, что надо прийти еще завтра, а что будет говорить отец – ей безразлично. Опрометью помчалась я домой и бросилась к зеркалу. Сердце мое сильно застучало, когда я увидела, что вместо моего воспаленного лишая осталось едва заметное бледное пятно. Тут уж я не выдержала и поделилась со своей старенькой няней. Осмотрев внимательно мою шею, она всплеснула руками и воскликнула: «Дыву даешься Матрене, и чего барин не послухав нас». Вся прислуга узнала об этом событии. Все переговаривались и с

нетерпением ждали полнейшей ликвидации лишая. Мой третий визит к Матрене был решающим. Возвратившись домой, я с гордостью констатировала, что моя шея вернулась к своему первобытному состоянию. Кожа на ней была совершенно гладкая, никаких признаков лишая, просидевшего на ней год с половиной, не было. Отцу я не хотела объявлять эту новость, но вскоре и он узнал. Вспомнив о лишае, он как-то спросил: «Ну, что у тебя с шеей, верно, придется снова к доктору съездить». Я молча подошла к нему, расстегнула воротничок моей кофты и повернулась к нему спиной. «Что ты делала? Как это так, что у тебя вдруг исчез лишай?» Я спокойно объяснила ему причину моего исцеления. На него это произвело сильное впечатление. Он покраснел, всплеснул руками и, круто повернувшись, отправился в свой кабинет. Затем он ушел в деревню. Я догадалась, что он пошел к Матрене. Этот случай поднял престиж нашей знахарки на большую высоту. Вся дворня заставила меня показать им мою шею. Бабы охали, ахали, мужчины качали головой и усмехались. Матрена на другой же день похвасталась, что барин ей отсыпал хороший куш. Она ему сказала, что он напрасно целый год платил докторам, если бы ей доверился, то давно было бы забыто мое приключение.

Между тем медленно, но верно мои отношения с отцом портились. Он постоянно ко мне придирался из-за жалоб Ули, которая явно меня невзлюбила, завидуя моей спортивной жизни, моим знаниям французского языка, моей дружбе с мадам Жюли, которая по-прежнему ко мне хорошо относилась. Все замечали ее недоброжелательность и подлизывание к отцу. Клеопатра Михайловна пробовала за меня заступиться, но выходило еще хуже. Он свирепел, выходил из себя, и атмосфера окончательно портилась. Я стала как можно больше удаляться; далеко уезжала верхом и показывалась только за столом в обеденное время.

За одним обедом, на котором присутствовал Рустанович, отец жаловался на трудности сельского хозяйства, особенно из-за недостатка рабочих рук. Это верно, наши крестьяне не шли работать на сторону, так как они все имели свое собственное хозяйство. Вся их семья работала для себя. Отцу приходилось выписывать артель из Подолии, что он делал из года в год. Обыкновенно они являлись неожиданно, большой группой, парубки и девушки, располагались на весь сезон. Помню, как мы их ждали. Отец и необыкновенный толстяк управляющий выходили на дорогу и тревожно прислушивались. Иногда управляющий ложился на плотине пластом, прикладывая правое ухо к земле, и замирал. Помню, как один раз он вскочил как ужаленный и весело закричал: «Идут, идут, спивают». Отец радостно потирал руки и с сияющим видом бежал в усадьбу. Громко приказывал накрывать столы на черном дворе, готовить хороший ужин с водкой и вином. Но так как артель ждали со дня на день, меры были уже заранее приняты. В леднике лежали свинина и баранина, а пироги вообще не переводились как у нас, так и на черном дворе.

Как прекрасна была картина прибытия нашей артели! Девушки в вышитых малороссийских рубашках, парни в косоворотках, в папахах и широких шароварах, несмотря на теплую погоду; у всех были узелки на плечах. Их громкое, звонкое пение поднимало всех на ноги. В усадьбе начиналась такая суeta и возня, что просто не угнаться ни за кем. Пока они все располагались в предназначенном им сарае, на дворе накрывались столы. Откуда-то появились гитары, балалайки и гармонии. Отец даже послал наш граммофон в придачу всей этой музыке. Несмотря на то что вся эта компания прошла 300 верст пешком, они умудрялись танцевать до полуночи.

И вот тут за столом я услышала роковые слова: «Если так будет продолжаться, продам Раздол. Буду искать в России, где можно работать; при здешних условиях детям ничего не останется». У меня холод пробежал по спине, сердце сжалось. Я отлично знала, как легко отцу все это осуществить. Когда он что-то решал, приводил это немедленно в исполнение. Помню, как старик Рустанович накинулся на него, убеждая в том, что никогда, никто родового имени не продает, что это противит нашим дворянским традициям. Отец ухмылялся, а я с ужасом почувствовала, что этот его проект непременно сбудется.

Время бежало, приближалась пора моего возвращения в институт. Никто не мог меня сопровождать из-за страдной поры. Я отправилась впервые одна, самостоятельно. Меня поручили группе студентов, ехавших в Питер учиться. Путешествие с юга, в хорошем спальном вагоне, не представляет никакого затруднения. Наоборот, это развлечение; четырехместное купе, просторное, с широкими удобными койками. В 3-м классе можно получить за очень маленькую плату постельное белье. На всех больших станциях мы слезали и закусывали в буфете. Везде были вкусные пирожки, бублики, согретые на самоваре. В ресторан никто из нас не ходил. В Харькове была большая остановка, и мы пользовались буфетом очень обильным. После Харькова пейзаж менялся. Появлялись леса, правда не очень густые. Они сменялись просторными лугами, и деревеньки тоже не походили на наши херсонские. Не все дома имели соломенные крыши; исчезли из глаз вишневые сады, окружавшие их, и неизменные подсолнухи.

Зимой приезжал отец с семьей. Все располагались в квартире на Литейном проспекте с дядей Жоржем. Квартира была просторная, на шестом этаже, с лифтом и с лестницей, покрытой ковром. Представительный, но всегда мрачный швейцар жил с семьей внизу и зорко следил за всем, что творилось в доме. Почта всегда доставлялась на квартиру почтальоном. Ввиду того что наша семья увеличилась, нам стало тесновато. Няня с двоими ребятами занимала самую просторную комнату. Особенно чувствовалась перенаселенность, когда мы все собирались во время каникул.

Обыкновенно нас отпускали за неделю до Рождества. Обнаружив плохие отметки за поведение, отец мне сообщил, что не берет меня на праздники домой.

Сам факт пребывания дома, с вечными стычками с Улей, с которой мы не ужились, не был для меня приманкой, но все же обида крепко засела в моей душе. В институте праздники были всегда очень хорошо организованы. Немало было учениц, которые не могли отпраиваться на короткий срок к родителям, жившим далеко в провинции.

Чудесная елка с подарками, в сочельник обильный постный ужин, торжественная служба в первый день Рождества. Особенно приятно было времяпрепровождение в саду, где в нашем полном распоряжении были горки и каток. Нас было немного. Мы без затруднения пользовались салазками и коньками.

В первый день Рождества явилась Клеопатра Михайловна и сказала мне: «Ну, собирайся, отец пересердился и прислал меня за тобой». Но я заупрямилась и отказалась идти домой. Я отлично поняла, что это она выпросила отца меня простить, поэтому твердо решила остаться в стенах института, где мне жилось привольнее, чем в душной атмосфере дома. Ближе всех была мне фрейлейн Вольф, она мне очень сочувствовала и утешала как могла. В этот раз она меня пожурела, находя, что я напрасно заупрямилась и не поехала навестить семью.

Наша монотонная жизнь кончалась в мае, мы разъезжались по всей России, кто куда. Моя лучшая подруга была Леночка Матушевская; она воспитывалась в семье тетки, сестры ее покойной матери. Отец ее, вторично женатый, жил во Владивостоке и служил там в таможне. У Ульяновых было своих шестеро детей, но они любили Леночку как родную дочь. Две кузины Леночки учились с нами в институте. Младшая, Муся, была с нами в классе. Будучи блестящей ученицей, Муся конкурировала с Леночкой на первенство. Леночка всегда проводила время каникул с семьей Ульяновых. Я пригласила ее погостить у нас в Раздole, но она категорически отказалась. Это меня очень огорчило.

По прибытии в Раздол я узнала страшную новость: отец продает имение. Мы перебираемся на будущий год в другое, в Подольской губернии, которое он собирается купить. Уже всевозможные распоряжения предвидены и устроены. Имение в Подолии предназначается как летняя резиденция; кроме того, отец собирается купить в средней России большое доходное имение для постоянной работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.